

Глеб
Черкасов

Четыре аэропорта и один вокзал

ИНТЕРЕСНОЕ
ВРЕМЯ

18+

Глеб Юрьевич Черкасов
Четыре аэропорта
и один вокзал
Серия «Интересное время»

Москва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74397041

Четыре аэропорта и один вокзал : Роман / Глеб Черкасов: Время;

Москва; 2026

ISBN 978-5-9691-2678-7

Аннотация

Эта книга не продолжение «Как мы не стали бандой», хотя некоторые герои играют крохотные эпизодические роли и здесь. «Четыре аэропорта и один вокзал» – про совсем других и совсем другое: про то, как не получается сохранить имеющееся и как иногда поздно находятся самые нужные слова для самых важных людей.

Содержание

Аэропорт Шарм-эль-Шейх	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глеб Черкасов Четыре аэропорта и один вокзал

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Серия «Интересное время»

Художник

Валерий Калныныш

© Глеб Черкасов, 2026

Аэропорт Шарм-эль-Шейх

11 января 2002 года

– Ну и зачем мы встали в эту очередь?

Если бы у Лики была привычка топтать ногой, она бы уже выдолбила небольшую ямку в полу аэропорта. Но Лика так никогда не делала. А зачем? Куда лучше на Колю Сиверско-ва действовал укоризненный взгляд. Он тушевался, чувствуя себя при этом глобально правым. В моменте не совсем, а вот глобально – правым.

Выезд из отеля в аэропорт Шарм-эль-Шейха был назначен на 13:00. Коля и Лика дисциплинированно сидели в автобусе в 12:55. Пунктуальны оказались не все, выехали только в 13:20. Заехали еще в три отеля, собирая русских туристов, нахватавшихся солнца, моря и напитков из бара. В аэропорту отдыхающие с легким гвалтом встали в очередь около указанной стойки. До начала регистрации оставалось еще полтора часа. Становилось все шумней. Лика озверела при подъезде ко второму отелю, но проявлялось это, по традиции, в укоризненном взгляде на Колю.

«Ну а как было поступить – своим ходом добираться? Так таксисты не знают никакого языка, кроме своей тарабарщины, да и денег, наверное, стоит несусветных, а тут фирма все организует, ну да, немного подождать», – так хотел Коля ска-

зять, но почему-то оставил слова покатать у себя в голове. Нет, он не боялся Лику. Он очень ее любил.

* * *

План жизни Николая Сиверскова был определен в момент знакомства его родителей и не имел права претерпеть никаких изменений в последующие годы. Валентина Петровна – учительница, Павел Андреевич – сначала учитель, потом завуч, потом сотрудник Горобраза, переформатированного с годами в Департамент образования правительства Москвы. Коле предстояло стать учителем, а уж чего именно, так это вопрос второй.

Школу он окончил в 1991 году в одной стране, в педагогический пошел фактически в другой, а первую сессию сдавал уже в третьей. Но эти вопросы Колю занимали не очень сильно, даже и материально семья не сильно пострадала от начала монетарных реформ. Совпало сразу три фактора: столичных чиновников поддерживали на плаву, мама Николая преподавала на курсах английского для, как она выражалась, профурсеток, собирающихся вертеть задом по заграницам. Коля тоже не терялся и довольно быстро пристроился писать рефераты и курсовики для сокурсников и однокашников, бросившихся на штурм рыночной экономики. Родители не возражали.

Политикой в их семье не увлекались, на митинги не ходи-

ли и о Горбачеве, Ельцине и Гддяне говорили редко, даже когда это было повальным увлечением. Путч 1991 года они провели на даче, туда же в 1993 году Павел Андреевич увез семью 1 октября. Он, безусловно, был обеспокоен штурмом мэрии, но исходил из того, что средний состав аппарата не тронут – «должен же кто-то работать».

Папа с мамой трудились, а Коля готовился продлить семейную династию. Диплом он получил под окончание президентских выборов 1996 года, но, впрочем, и они его мало взволновали. Павел Андреевич переживал больше, на нем висело голосование учителей сразу в двух префектурах. Процент в итоге сошелся самым благополучным образом.

1 сентября 1996 года учитель литературы Николай Павлович Сиверсков переступил порог довольно приличной гимназии в одном из центральных районов Москвы. Через три недели Коля устойчиво ненавидел школу, школьников, большую часть коллег и всю свою жизнь.

На одном из первых уроков он вызвал ученика к доске. Тот не откликнулся. Коля повторил фамилию громче. Со второй парты поднялся здоровый парень, медленно подошел к доске и попутно ловко прикрепил жвачку к учительскому столу. Коля стерпел и тут же попал в слабаки. Сначала за глаза, а потом и в лицо его стали называть «учителем».

В старших классах над ним издевались, кто-то больше, кто-то меньше. Русская, да и любая другая литература была не в чести у мальчиков и девочек, размышлявших о том, как

покраше и покрепче встроиться в капитализм. Или добыть шмотки пофирмовей. Пользы для этого от Колиного предмета не было никакой. Да и выглядел он как лузер. То есть был «учителем» во всех смыслах.

В институте Сиверсков под конец очень недурно зарабатывал на теперь уже дипломах (рефераты с курсовиками тоже не бросал) и даже сколотил небольшую артельку по производству фальшработ. Дело позволило Коле составить недурной гардероб, в том числе за счет вполне фирменных шмоток китайского, правда, исполнения. Но в школу, по требованию родителей, он ходил в костюме, который по случаю пошили ему на втором курсе. Джинсы и кроссовки, по мнению Пал Андреевича, учителя в приличной школе носить не могли. На фоне «левайсов» и чего-то там еще и учителей, и учеников усилия закройщика из ателье рядом с домом выглядели довольно кисло. К тому же костюм Коле стал немного мал, и, когда он наклонялся поднять упавшую ручку, из штанов предательски вываливалась жопа.

На поддержку других учителей рассчитывать не приходилось. Позвоночника-мажора не любили всем коллективом. Апофеозом стало публичное унижение молодого учителя, когда он, собравшись с силами, выгнал с урока того самого хама. Директор вернул его в класс через пять минут и, мило улыбаясь, велел больше внимания уделять воспитанию школьников, а не отправлять их на перекур. В учительской Сиверскова отчитали при всех – хам был сыном очень авто-

ритетного бизнесмена, к которому надо бы относиться с вниманием. Тем более что он помогает школе больше, чем весь горобраз вместе взятый. Коля безропотно принял камень в папин огород.

Родители весь год видели, что сыну плохо, но считали все это болезнью роста и нехваткой опыта. В ход шли поучительные истории. Отец любил повспоминать про школу в подмосковном рабочем поселке, куда старшеклассники ходили с ножами. А мать – про десятилетнюю вражду с завучем: все эти годы ее перипетии были важной частью семейных разговоров.

Коля понял, что домой надо приносить благостную или хотя бы не грустную картинку постижения педагогической мудрости. С апреля он считал дни до окончания учебного года. После выпускных экзаменов даже чаепитие с портвейном в учительской показалось довольно сносным мероприятием, правда свалил он оттуда раньше других.

Летом Коля блаженствовал на даче до середины июля. Потом поймал себя на том, что с тревогой смотрит на календарь. В школу не хотелось больше, чем в детстве: тогда там его ждали если не друзья, то приятели, а сейчас – сплошь враги. Но заговорить с отцом о том, что продолжать педагогическую династию Коле не по силам, было невозможно.

Павел Андреевич считал, что каждый человек может быть применен на любом определенном ему месте. А если не применяется, то, значит, с человеком что-то не то. Сын не имел

права не совпасть с родительскими ожиданиями. Это бы стало личным поражением для Сиверскова-старшего. Примерно так разъяснила ситуацию мама, когда Коля пытался намекнуть, что педагогика – это не его.

За три недели до начала учебного года молодой учитель вернулся в город, сходил на работу, встретил коллег, поговорил с ними, побывал на приеме у директора и вернулся домой с четким пониманием того, что следующий учебный год его прикончит. Разговор с родителями смысла не имел, бежать в матросы Коля был не готов. Оставалось только приготовить себя к явно непереносимым мучениям.

Утром он проснулся оттого, что подушка неприятно намочла и еще хуже воняла. Из носа тек уверенный ручеек. Никогда Коля не предполагал, что его кровь так плохо пахнет. Скорая сделала какой-то укол, но в больницу забирать отказалась. Николай снова пошел в школу, чтобы готовить ее к нашествию варваров с 1 по 10 класс. Директора не было, зато имелся поддатый физрук, который по привычке нахамил мажорному дурню. Утром подушка снова была вся в крови. Скорая снова ничем не помогла. Коля позвонил отпроситься с работы и нарвался на директора. Беседа была вроде бы вежливой, но, положив трубку, Николай снова кинулся в ванную, оставляя за собой кровавый след. Вернувшись в комнату, он объявил родителям, что в школу больше не пойдет.

Вывалив на сына-салажонка весь возможный скепсис, Па-

вел Андреевич неожиданно разрешил ему уволиться: «Видать, директор еще большая пархатая гнида, чем это кажется, недаром жалобы пишет на меня все время. Ну ладно, ты передохни чуть-чуть, а скоро я тебя в другую школу, поприличней определяю». Коля с большой радостью сходил за трудовой книжкой и даже довольно мило поболтал со встретившимися ему теперь уже бывшими коллегами.

Через три недели Сиверсков-старший, довольно активно маршировавший по карьерной лестнице, был снят с должности и переведен в какую-то заштатную контору при горобразе. Почему и как, он дома не рассказывал. Так Коля получил вольную.

Это сняло одни проблемы, но добавило других. Денег в семье стало меньше: и у папы зарплата убавилась, и курсов по английскому языку в Москве развелось предостаточно, а Колины доходы от рефератов практически сошли на нет. Новые работы почти не заказывали, ясно было, что другие ребята просто перелицовывают Колины материалы.

Надо было что-то придумывать.

* * *

– Ой, смотри, – Лика показывала на вход в аэропорт, – эти двое с нами одним чартером летели и в нашей же гостинице жили, а вот только сейчас приехали. Небось их автобусом по всему Шарм-эль-Шейху не таскали.

Коля повернул голову вслед за женой. «Прям Пат и Паташон», – то ли тихо подумал, то ли тихо сказал он. Лица, во всяком случае, это слышала и сначала осуждающе хмыкнула. Пусть Пат и Паташон, но зато лишний раз искупались, посидели на берегу теплого моря, поели небось вкусно, клубничного коктейля выпили, а не вот это вот все. А потом хмыкнула одобрительно – ну ведь правда Пат и Паташон.

Пат на вид ровесник Коли, и хотя тот не считал себя низкорослым (как-никак 179 сантиметров), но на его фоне смотрелся шибздилом. Или гномом – кому как приятней слышать. Ростом два метра, Пат когда-то явно был богатырем, а теперь стремительно полнел, но все еще довольно уверенно таскал на себе новообретенные жиры. Наевшие щеки не заслоняли внимательных глаз, которые сканировали все, что происходит вокруг.

Паташон был ниже сантиметров на тридцать. На лице его сияла широчайшая улыбка, как будто он наконец добрался до именин любимой тетушки и вот-вот приступит к самостоятельно испеченному ею пирожку. Но глаза у него были точно такие же, как у Пата.

И да, по ним было видно, что шесть часов они провели не в автобусе и терминале, а в шезлонге около бассейна. Но только не с клубничным коктейлем, а с чем-то более существенным.

Коля пригляделся и вдруг узнал Пата. Они познакомились несколько лет назад, когда Сиверсков резко обрел неожидан-

ную для себя профессию.

* * *

В юности Николай мечтал о том, чтобы стать корреспондентом, но как это сделать при грозившем ему педагогическом образовании, так и не придумал. К тому же он и не знал, чем, собственно, он бы стал заниматься, не интервью же у Горбачева брать. Или у Аллы Пугачевой, например.

Журналистом он стал, в общем, благодаря Жан-Мишелю Жарру, давшему мощный концерт на Воробьевых горах осенью 1997 года. Коля пошел один и по дороге обратно проклял и свою любовь к музыке, и Воробьевы горы, и Жан-Мишеля с Юрием Михайловичем Лужковым заодно. К концу второго часа анабазиса он присел прямо на бордюр покурить. Рядом хлопнулся какой-то парень и решительно попросил сигаретку, «а то, Колиан, весь искуришься». Так его называли только в школе.

С Иваном Базиным Коля приятельствовал до девятого класса, а потом тот неожиданно уехал с родителями в Штаты – как шептались, на постоянное место жительства. Класс после окончания не особенно-то и общался, но как-то, встретив одноклассницу, Коля узнал среди прочих ненужных новостей, что Базин и его отец вернулись, что, оказывается, профессорская квартира оставалась за ними и что непонятно, что они теперь будут делать.

Иван почти не изменился: все такой же рыжий, все такой же немного шарнирный и все так же как будто подмигивает левым глазом.

Сигарету Коля, конечно же, дал, хотя в пачке их осталось всего три, а стоили они прилично, особенно по ослабевшим Колиным финансам.

Потом Сиверсков называл эту сигарету лучшей инвестицией в жизни.

Пока они брели к метро, Иван рассказал, что в 1989 году уезжали они не навсегда, а по приглашению какого-то американского университета, и сначала все было хорошо, даже по Штатам ездили и в Мексику собирались (Коля, за всю жизнь два раза бывавший в Анапе, уже плавился от зависти), но тут Базина-старшего дернул черт подкатить к какой-то аспирантке, «по старой, дружище, вековой традиции, чего б и нет». Аспирантка пожаловалась, выяснилось, что русский профессор вообще часто распускает руки, и из университета его поперли. Жена тут же ушла, захватив почти все, что нажили начиная с 1989 года, а папаша с сынком отправились домой. Впрочем, Ивану дорога обратно была. Мама разрешила ему «посмотреть на родину, понять, что там ловить нечего, и возвращаться обратно за образованием и достойной жизнью».

– А я, Колиан, пока доучивался в колледже, пока стажировался в конторе одной, поучился немного, подчитал чуть-чуть про маркетинг и пиар, ну это связи с общественностью,

ну, в общем, дам полистать книжечку, – рассказывал Ваня, пока они лакомились за его счет холодным пивком около Киевского вокзала. – Прибредаем мы сюда. Папаша в институт, а там он никому не нужен, да и института, считай, нет. Он побежал по корешам. А я погулял недельку и пошел в контору страховую устраиваться. Они меня сначала в курьеры определили, а потом поговорили немного – сразу в сотрудники. Я не успел одной зарплаты получить, а меня переманивать, мало тут у вас по пиару и маркетингу спецов. С 1993 по 1995 год дорос до вице-президента, консультанта и все такое, деньги летят эскадрильями, ну, в общем, нормально все вроде. А ты как?

Услышав про мытарства Сиверского, Базин засмеялся и махнул рукой тачке.

– Поехали, Колиан, сейчас мы тебе определим стезю.

Коле стало чуть неудобно, но терять было нечего.

Через двадцать минут они входили в двери с окошечками, похожими на иллюминаторы.

– Это «Экипаж», клуб, в котором делаются дела, – весело почти гаркнул Ваня, Сиверский сначала не понял, почему новый друг вдруг повысил голос. Но тут громко говорили все, Базин просто мимикрировал.

Они подсели к одной компании, потом к другой. Коле купили кружку пива, ни на что другое он замахиваться не стал, в то время как одноклассник его увлекся коктейлями и опрокинул чуть ли не два кряду. Вскоре Сиверского представи-

ли некоему Сане, в качестве дельного парня, который писать может. Дальше уже и Коле достался коктейль, а потом он первый раз попробовал текилу.

Домой он доехал в совершенно непотребном состоянии. Родители остались на даче, и ругаться было некому.

Через неделю Николай Сиверсков вышел на работу в только что созданное информационное агентство, где сгодился человек с гуманитарным, но не профильным образованием, за сравнительно небольшие, по меркам СМИ, деньги. Цифра превышала зарплату учителя литературы в два раза.

Родители, к Колиному удивлению, ругать за смену занятия не стали. Им понравилось, что он попробует всякого, прежде чем вернуться к разумной учительской жизни. Тем более что у Пал Андреича наметились кой-какие перспективы к аппаратной реконкисте.

На своем третьем задании Сиверсков и познакомился с Патом. На самом деле его звали Петр, место работы – «Коммерсант». Сиверскову сразу показалось, что он важничает и смотрит на всех свысока. Однако как-то потом они даже поболтали, Петя показался не таким уж гондоном и даже записал телефон, пообещав, что звякнет, если в «Коммерсанте» будут вакансии. Колю интересовали и служебный рост, и гарантии регулярной выплаты жалованья – агентство обещало много, а платило редко. В этом, конечно, было большое отличие от школы.

– Коля, привет, – Петр, он же Пат, неожиданно узнал Сиверскова. – Я все думал, ты не ты, но, понимаешь, тут столько народу знакомого было, не грех и спутать кого-то. А что за девушка с тобой?

Коля слегка ошалел от напора и от того, что Лика с интересом смотрела на Пата-Петю.

– Петр, ты все-таки слишком ненаблюдателен для журналиста, неужели не видишь кольца на пальцах, значит, муж и жена. А ну-ка быстро представь меня своему товарищу, а потом нас вместе – его прекрасной жене! Меня, кстати, зовут Севастьян.

Ликин интерес к Паташону Коле не понравился еще больше. Куда подевалась грустящая от несовершенства мира женщина, где тот усталый взгляд и недовольный вид? Лика, обычно молчавшая в людных компаниях с незнакомыми людьми, вдруг начала разговаривать то с Патом, то с Паташоновом, то с ними обоими. На какие-то пустые, с точки зрения Коли, посткурортные темы: где лучше был фруктовый коктейль, как оно ездило на рыбалку («Как, ребят, вы не были на рыбалке? Нууу... Это ж аттракцион почище верблюдов»). Сиверскова смушал на самом деле не предмет разговора, а скорость. С малых лет он говорил медленно, это ему мешало и в школе, и в журналистике. Тут темп вольной беседы был

совсем уж зашкаливающим: только Коля придумывал удачную реплику, как разговор вилял в другую сторону.

Паташон-Севастьян тем временем рассказывал историю про себя и своего друга:

– Пошли мы на рыбалку и как-то не посмотрели, что погода портится. Ну, тут ничего страшного, просто волны побольше. На корабле я, Петр, парень какой-то черней моей жизни и пара Крокодилов Данди, только постарше, ну Крокодилов Данди, австралийцев, что ж вы этот фильм не смотрели, ну, молодежь, даете! Так, как только качка, загорелый к одному борту, Петр, накануне баловавшийся с девчонками текилой, к другому – там всю дорогу и провели. Мне проще, я текилы почти и не пил, крокодилы бодрей бодрого и только шутят: большого парня жаль, видать пива попить хотел, а загорелый-то куда в море, ему б на дерево.

Петр смеялся больше всех, как будто и не про него говорили. Лика поджала губы, но потом тоже засмеялась. Николай вежливо улыбнулся. Ему захотелось, чтоб Пат с Паташоном утопили на том корабле, и черт с ними, с Крокодилами Данди, – небось добрались бы до берега.

Сиверсков ревновал Лику к каждому фонарному столбу, хотя первые полгода не обращал на нее никакого внимания.

* * *

С четвертого курса Николай был регулярным посетите-

лем «попойшеств». Их организовывал Вадим, некогда учившийся с ним на одном факультете, но давно оттуда выгнанный. Несмотря на отсутствие высшего образования, его взяли на работу в академический институт, где он и сидел сиднем. Лаборантам всегда платили немного, а рыночная экономика сделала эту зарплату чем-то похожим на подаяние, но Вадим не унывал. Для прокорма он всю использовал академический компьютер, принтер и главное ксерокс, занесенные в старинное академическое здание в центре Москвы каким-то грантовым ветром. Важней того, у него была своя квартира, в которую он звал сначала бывших однокурсников, потом их друзей, потом друзей их друзей. С вечера пятницы по утро воскресенья двери были открыты для своих. Расчет был простой. Каждый, кто хотел тусоваться, приносил с собой бутылку (обязательно), сигареты (строго обязательно), чего-нибудь пожрать (желательно, но если нет, то нет). Сам Вадим не покупал ничего, но в итоге был и сыт и пьян. Всегда находились девушки, которые помогали прибраться и зависали у него на подольше. Ни одна из них не выдержала в итоге того, что гости оказывались для хозяина важнее романтических отношений.

Сильно бухих, кстати, обычно не было. Скандалов или, упаси господи, драк тоже. Вадим и сложившийся вокруг него костяк попойшеств следили за тем, чтоб «гопота не забегала на огонек». Следили и за ассортиментом напитков. Однажды по скорой уехали три гостя, хлебнувших паленой водки. По-

сле этого было объявлено, что поставщики некачественной алкашки будут на некоторое время от попойшеств отлучены.

Это действительно чем-то было похоже на религиозный ритуал. Выпивать начинали за длинным столом, стоявшим в «большой», метров двенадцать, комнате. Потом приходили новые люди, места не хватало, и народ перемещался между второй комнатой и кухней. В полночь на сцене появлялся поднос, на него ссыпали имеющуюся наличность, и специально снаряженный отряд шел покупать напитки и, если получалось, пельмени. Кто-то продолжал бухать. Парочки уединялись в ванной и, если очень везло, во второй комнате.

В одно из первых посещений попойшеств Коля застал настоящую групповуху и хотел присоединиться к ней, но нарвался на довольно жесткий отпор от белоголового крепыша: «Девчонки тебя звали? Нет. Ну а я точно видеть не готов, парней тут и так больше». Сиверсков и в более спокойной обстановке терялся с легкостью, а тут ошалел настолько, что пошел к выходу, позабыв об уже поставленной на стол бутылке какого-то ликера неведомого природе цвета. У двери его перехватил Вадим, вернул в большую комнату, велел выпить и не заморачиваться, а ребята там отличные, да и девчонки, если разобраться, не жадные. С белоголовым Олегом Коля через пару часов сходил за водкой и пельменями. По итогам экспедиции выпили мировую.

Много лет спустя, изнывая от ревности и раздражения на все на свете, Сиверсков уговаривал себя, что Лика находи-

лась в тот вечер в той комнате и явно была передовицей блуда. Но потом честно вспоминал, что впервые она появилась на попойшествах только через три месяца, вместе с кавалером.

Главным все-таки там был не алкоголь или свободный угол для обжиманий, главным было общение. Говорили в шесть-восемь-десять голосов обо всем на свете: от того, откуда взять денег – и побыстрее, и круто подняться – до вопросов большой политики. А еще иногда играли на гитаре и пели. И потом снова говорили. Конечно, к концу вечера, точнее к утру, связность слов несколько падала, но Коле это было даже на руку – все говорили так же медленно, как и он. Или быстро и невнятно. И все это сливалось в приятнейшую попойшественную какофонию:

– Ездил в Питер, думал, куда как хуже, чем у нас, а оказывается, там совсем все обшарпано.

– Чего ездил?

– На «Алису», там билеты подешевле, а вписка была.

– Отстой твоя «Алиса», меньше медиатора Майка стоит.

– Я в девяностом году на концерте Цоя был, вот это круть была.

– Зря кагэбэшники его убили.

– Никто его не убивал, сам впилился по пьяни.

– Любишь ты всякую херню гнать, наслушаешься баек всяких! Ты еще скажи, что американцы на Луну не летали.

– Конечно не летали, Стэнли Кубрик в павильоне все

снял, там же, видел, флаг шевелится.

– В штанах у тебя шевелится, Надька сегодня не пришла, вот у тебя кровь не туда и приливает.

– Пиндосы – гондоны, им скоро совсем кабзда будет, всё негры захватят, а они только подмахивать будут.

– Тебе американские джинсы не жмут, случаем?

– Да они китайские, откуда у него бабосики на американские!

– А ты не возникай. Думаешь, в палатке между занятиями сидишь, так бабла немеряно отхватываешь?

– Парни, в ларек за метро больше не ходим, там теперь паленка сплошная.

– А где теперь не паленка, весь город в паленке, уже скоро и вкус нормальной водки забудем.

– Так ты на нее тогда и не налегай, раз нормальной нет, не пей ее, что ты ее рюмка за рюмкой употребляешь?

– Ельцин бухает, и я буду, чем я хуже, я ж оркестром не дирижировал.

– А кто-нибудь ходил на президентские выборы?

– Да на хер надо-то туда ходить?

– Други, давайте Ростика шуганем из ванной, он там уже сорок минут с кем-то зависает.

– Ты просто ему завидуешь.

Но именно Ростик и привел на попойшество Мишу, а с ним была Лика. Коля, конечно, заметил и длинные ноги, и очень необычное лицо, и прическу, составлявшие вме-

сте некий намек на толкиеновскую эльфийку, – но, срисовав, тут же и потерял интерес. Наверное, потому, что она обычно отмалчивалась. Изначально разговоры на попойшествах были мужской прерогативой. Со временем несколько девушек вошли в костяк и стали участвовать в беседах на общих основаниях. Коля обычно реагировал на звук голоса, пытаясь вставить хоть какие-то реплики (иногда даже и получалось). Молчунья никакого внимания не стоила. Как, в общем, и парень ее, молотивший всякую чушь про какой-то интернет. Который, дескать, скоро будет в каждом компьютере. Его как-то даже подняли на смех, мол, в каждом компьютере все будет, но вот только компьютеры будут не у всех. Коля помалкивал. Дома у него уже давно был компьютер, на котором он довольно ловко создавал дипломы на продажу, папины докладные записки и все, что было необходимо.

Попойшества спасали Сиверскова во времена его учительства. Там он чувствовал себя нормальным человеком, а не «учителем».

После субботы он жил ожиданием субботы. А когда получалось «зачислиться» к Вадиму в пятницу, так и вовсе был счастлив. Пил он мало, и, когда возвращался домой, проблем не возникало. Родители, при всей своей жесткости относительно карьеры сына, в остальном были людьми современными и, судя по отрывочным рассказам, тусили в молодости будь здоров. Ночные посиделки без особого вреда для здоровья вопросов у них не вызывали.

Началась регистрация на рейс. Как-то получилось, что Пат и Паташон не просто встретили знакомых, но и встроились в очередь. Стоявшие за ними туристы поворчали немного, но, глядя на Пата, буянить не стали. К тому же очередь шла довольно быстро.

Новые попутчики даже помогали двигать чемоданы, и выглядело это так, как будто старые друзья, отдыхавшие вместе, обмениваются впечатлениями по дороге домой. И так получилось, что Коля все время общался с Петром, а вот Севастьян развлекал беседой Лику. За десять минут она засмеялась чаще, чем бывало за день. Паташон был ниже собеседницы сантиметров на десять, но каким-то образом лицо его все больше и больше приближалось к Ликиному. Не было в этом разговоре ничего фривольного и ничего даже флиртоподобного. Кроме живой Ликиной заинтересованности. Колю это беспокоило.

Да еще и встали они так, что в какой-то момент Севастьян и Лика оказались как бы за спиной Коли, а Петя стоял перед ним и фактически не давал возможности повернуться к жене. И это напрягало еще больше.

Если бы не внезапная ревность, то Сиверскову разговор был бы даже интересен. Его собеседник, несмотря на то что явно увлекался во время отпуска не только текилой, но и

всеми напитками, бывшими в его распоряжении, сохранил прекрасную память. Петр вспомнил ту прессуху, на которой они виделись целых шесть лет назад, и даже каких-то общих знакомых нашли. Он жаловался на Думу, в которой так скучно стало работать из-за депутатов «Единой России» (Коля понимающе кивнул), и на то, как всех и все подавили, но все равно «вариантов полно и без денег сидеть не приходится». Помянута была пара фамилий, Коле они были страшно интересны по работе. Если бы не хихиканье за спиной, Коля был бы куда более интересным собеседником, но Петра внимательное молчание собеседника даже и заводило. Он был из тех, кто готов болтать часами, в том числе и о темах, которые ему недостаточно хорошо знакомы. А тут уж и про пиар, и про журналистику...

* * *

Работа в информационном агентстве оказалась похожа на субботник. Только первая зарплата поступила в срок, правда оказалась несколько меньше обещанной. «Испытательный срок», – важно сказал Коле его руководитель и немедленно обратил внимание на огромные упущения и недочеты в работе. Сиверсков не спорил, но следующая и точно такая же по размеру зарплата случилась только через полтора месяца. Задержки набегали и накапливались, но на работу надо было ходить ежедневно. Случались и «экстренные форс-мажоры».

ры», требовавшие сверхурочных. В эти дни, как и в дни, когда ожидавшуюся зарплату не выдавали или отдавали лишь часть, руководство агентства проводило собрания с обещанием гор золотых и карьер небывалых. «Частники», – презрительно ворчал Павел Андреевич в ответ на рассказы сына и обещал, что с нового учебного года вернет его на благопристойную преподавательскую стезю.

Коле на работе, наоборот, все нравилось, но денег, конечно, было совсем в обрез. А отсутствие опыта или связей мешало прихватывать какие-нибудь халтурки, с которых кормились более опытные коллеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.